

Му Лу открыл рот, но ничего не сказал, а через некоторое время вдруг встал и вышел за дверь, смотря в сторону сцены, словно ожидая чего-то. Через мгновение, как только Цинь Сун появился в коридоре, Му Лу быстро подошел к нему:

— Цинь, господин Цинь, почему вы стали судьей?

— Ммм, а ты что здесь делаешь? — спросил Цинь Сун, подумав и добавив. — «Синьбой» назначил тебя агентом Бай Цзиньиня?

Мало кто знал, что Му Лу был личным ассистентом И Хуэя при жизни, и они были близкими друзьями. Если бы не его немного замкнутый характер и несогласие Ван Шэннань, они могли бы стать побратимами.

Он был одним из четырех, кто знал о песне «Ты — плывущее облако», а также одним из немногих, кто знал об их отношениях.

Увидев, как Му Лу кивает, Цинь Сун спросил:

— Ты сам вызвался или Ван Шэннань отправила тебя?

— Я сам пришел, — Му Лу выглядел очень напряженным перед Цинь Сун. Он с нетерпением тихо спросил:

— Цинь, вы тоже слышали эти две строчки из песни? Ван Шэннань сказала, что это просто совпадение, это правда?

Цинь Сун ничего не ответил, похлопал Му Лу по плечу и вошел в комнату отдыха.

Внутри Бай Цзиньинь, увидев, что Цинь Сун входит, резко встал и направился к выходу. После успешного прохождения в финал на вопрос ведущей он случайно сказал, что пригласит на ужин. Выйдя за дверь, он вспомнил, что там еще есть посторонние, и, немного подумав, пригласил Му Лу:

— Пойдемте поужинаем вместе.

Му Лу посмотрел на выражение лица Цинь Суна и покачал головой:

— Нет, вы идите, у меня тут работа.

Они вышли, и Бай Цзиньинь оказался в полной растерянности. Он выполнил все правила этикета, но с тех пор, как он попал в мир людей, в основном ел дома, а это был только его второй раз на телевидении, так что он знал окрестности лишь настолько, чтобы не заблудиться.

Цинь Сун, увидев, что он остановился, тоже остановился. Бай Цзиньинь огляделся, долго молчал, и Цинь Сун не выдержал:

— Кого-то ищешь?

— Ищу ресторан, — ответил Бай Цзиньинь, продолжая осматриваться, и наконец заметил цель, указав на лоток с цзяньбин гоцзы недалеко от дороги. — Можно поесть там?

Цинь Сун промолчал.

Господин Цинь не был из тех, кто боится трудностей, но он не был настолько раскрепощенным, чтобы жевать цзяньбин гоцзы у входа на телевидение и при этом вести беседу. Он не знал, то ли у Бай Цзиньиня не было денег, то ли была другая причина, и предложил:

— Я угощаю, есть один хороший ресторан западной кухни, может, пойдём туда?

Пригласить кого-то на ужин — это этикет, но когда тебя приглашают на ужин, это может иметь другой смысл. Хэй-хэй, объясняя правила этикета, особо подчеркивал это. Например, в тот вечер Цинь Сун пригласил Бай Цзиньиня на ночную беседу, фактически желая заняться с ним любовью. По аналогии, учитывая, что у Цинь Суна были такие намерения, то приглашение на ужин могло быть завуалированным предложением заняться любовью.

Бай Цзиньинь был озадачен. После прямого выхода в финал он почувствовал себя обязанным, и если бы это было в Мире Нежити, он мог бы предложить стать побратимами, но сейчас это был Мир Людей, и он мог только пригласить на ужин в знак благодарности. Что касается секса, он не мог этого сделать.

Подумав немного, Бай Цзиньинь честно ответил:

— Извините, я могу только принять поцелуй в лоб и держание за руку, но ужин я угощаю.

С этими словами он подошел к лотку с цзяньбин гоцзы:

— Я возьму два самых дорогих.

Внутри скромного черного автомобиля насыщенный аромат цзяньбин гоцзы смешивался с легким запахом автомобильных духов, создавая странное сочетание, словно святая и благородная небесная фея грызла свиную ногу.

Стекло автомобиля защищало от жары и шума, но не могло скрыть городскую суету. Был вечер, впереди был бесконечный поток машин, двигавшихся шаг за шагом, только электрические скутеры, как угри, обгоняли BMW и Mercedes, уносясь вперед.

Бай Цзиньинь вспомнил то утро, когда Бай Жулянь на электрическом трицикле отвезла его на полуфинал. Именно тогда, после своего перерождения в человека, он впервые понял, что такое семейная любовь.

Он достал телефон и отправил сообщение с результатами соревнования.

Бай Жулянь не умела печатать, она, казалось, ждала этого момента и почти мгновенно ответила голосовым сообщением:

[Ха-ха, я знала, что ты пройдешь! Что хочешь на ужин? Я сейчас приготовлю.]

Бай Цзиньинь подумал и ответил:

[Сегодня вечером меня пригласил друг на ужин.]

Только что он угостил цзяньбин гоцзы с яйцом и ветчиной, а затем не стал отказываться от предложения Цинь Суна угостить его. В руководстве по этикету было написано, что взаимность — это первый шаг к дружбе.

Машина была хорошо звукоизолирована, и Цинь Сун отчетливо услышал голосовое сообщение Бай Жулянь. Он провел указательным пальцем по переносице — это было его подсознательное

движение, когда он думал.

Если у человека сменилась душа, первыми это заметят самые близкие люди.

Ресторан западной кухни «Южный переулок» находился в тихом переулке на юге города. Его знали немногие, и позволить себе его могли немногие. Цинь Сун был здесь постоянным посетителем, он уверенно провел Бай Цзиньиня к столику у окна, передал ему меню и, обращаясь к официанту в белой рубашке и черном галстуке, сразу заказал:

— Как обычно, стейк Кобе, торт Мадлен и принесите красное вино, которое я оставил здесь в прошлый раз.

Бай Цзиньинь впервые был в ресторане западной кухни. Он пролистал меню, стейк Кобе, торт Мадлен — все это было ему незнакомо, и он просто последовал примеру:

— Принесите мне то же самое.

Как один из лучших ресторанов города, сервис здесь был на высоте. Например, степень прожарки стейка, выбор супа и так далее. Цинь Сун был постоянным клиентом, а Бай Цзиньинь — новым лицом, и официант не осмелился сразу принять заказ, спросив:

— Господин, есть ли у вас особые пожелания?

— Пожелания? — Бай Цзиньинь задумался. Он всегда ел то, что ему подавали, и не знал, что можно что-то просить. Подумав, он вспомнил, как Бай Жулянь недавно готовила сумасшедшие блюда, такие как жареные ломтики имбиря с мясом, жареные яйца с кинзой, и сказал. — Тогда не кладите имбирь, кинзу и, эм, лук-порей.

Цинь Сун и официант онемели.

Официант внимательно посмотрел на Бай Цзиньиня, улыбнулся, показав восемь зубов:

— Господин, вы очень остроумны, ха-ха. У нас западная кухня, здесь нет таких приправ. Сейчас оформлю ваш заказ, подождите, пожалуйста.

Остроумный?

Бай Цзиньинь удивился. В руководстве по этикету говорилось, что быть остроумным, дружелюбным и вежливым — это самые привлекательные черты характера. Вежливости он научился, дружелюбию — улыбаться, но остроумие до сих пор оставалось для него загадкой. И вдруг кто-то назвал его остроумным, что вызвало у него неожиданную радость.

Официант быстро вернулся с красным вином, которое Цинь Сун оставил здесь, элегантно налил его в бокалы, слегка поклонился и ушел.

В голове Бай Цзиньиня промелькнула фраза: «Если чувства глубокие — выпей залпом, если чувства поверхностные — просто пригуби».

Не раздумывая, он взял бокал с вином, поднес ко рту, но затем поставил его, чокнулся с Цинь Сун:

— Спасибо за сегодняшнее соревнование. Я выпью до дна, а вы пейте, как хотите.

С этими словами он с энтузиазмом поднял голову и выпил залпом.

Цинь Сун промолчал.

С первой встречи в баре, где Бай Цзиньинь пел алфавитную песню, до того, как он мог принять только поцелуй в лоб и держание за руку, до случайной встречи, когда он увидел его, подающего заявку на работу в рекламе на телефонном столбе, и до сегодняшнего неожиданного приветствия на сцене, приглашения на цзяньбин гоцзы и всего, что произошло в ресторане, — все это сложилось в документальный фильм в голове Цинь Суна.

Он стал судьей, чтобы иметь достаточно причин для сближения с Бай Цзиньинем, но теперь первоначальные сомнения только усилились, словно покрылись туманом, делая все еще более непонятным.

Цинь Сун взял бокал, подражая Бай Цзиньиню, поднял голову и выпил вино с такой же торжественностью, как будто это был китайский самогон. Без дегустации и наслаждения вкусом, кисловатый и терпкий вкус наполнил его рот, как и его текущее настроение.

Разум подсказывал ему, что перерождение — это абсурд, но сердце надеялось, что такая фантастическая вещь действительно могла произойти.

За окном закатное солнце бросало золотистые лучи на белое лицо Бай Цзиньиня. Его лоб был высоким, а между бровями была неопишуемая холодность. Он сидел прямо перед тобой, но казался таким далеким, как расстояние между мужским и женским туалетами.

И Хуэй был полной противоположностью. В частной жизни он был солнечным и открытым, с ним было легко и тепло.

Это место было их тайным местом для свиданий. Оно было достаточно уединенным, и И Хуэй очень любил здесь стейки и десерты. Он даже написал песню под названием «Проходя мимо ресторана западной кухни» и каждый раз, приходя сюда, напевал ее за ужином.

<http://bllate.org/book/16788/1543976>